Labor в «Георгиках» Вергилия

Ольга В. Шаршукова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sharshukovaov@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются образы труда в поэме Вергилия «Георгика», начиная с *labor improbus* в I книге и заканчивая мифом об Аристея и Орфее и трудом самого поэта, анализируется понятие *labor* в этих контекстах. Предполагается, что помимо *labor improbus*, который идет против миропорядка, приносит страдания и часто бесплоден, есть и другой труд – *probus*. Труд земледельца в I и III книге тяжел и часто безнадежен. В III книге показано, как плоды этого труда могут быть уничтожены стихией. А Орфей потерял Эвридику, и его труды пропали даром, потому что его погубил его *furor*, он пошел против существующего порядка. Но труд пчел, Аристее и корикийского старика находится в гармонии с богами и природой, и плоды его не пропадают даром. Пчелы не погибают безвозвратно, Аристей вернул утраченный рой, выполнив указания матери, а сад корикийского старика изобилует плодами. При благосклонности богов и защите покровителя человек в «Георгиках» может надеяться, что его труд не пропадет. Так относится к своему труду – поэме – и сам автор.

Ключевые слова: Вергилий, «Георгика», дидактический эпос, *labor*, *labor improbus*, *cura*

Для цитирования: Шаршукова О.В.. *Labor* в «Георгиках» Вергилия // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языковедение. Культурология». 2022. № 6. С. 114–129. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-114-129

Labor in Virgil's "Georgics"

Ol'ga V. Sharshukova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, sharshukovaov@yandex.ru*

Abstract. The paper considers the concept of labor in Vergil's "Georgics" in different contexts from *labor improbus* of Book I to the myth of Aristaeus and Orpheus and *labor* of the poet himself. It is supposed that along with *labor*

improbus which goes against the world order, brings suffering, and is often fruitless, there is another labor – *labor probus*. The agricultural labor of Books I and III is hard and often hopeless, and Orpheus lost his wife because his furor ruined him. But the labor of bees, Aristaeus and *Senex Corycius* is in harmony with the world and the gods, and this labor is not in waste. Bees are not lost irretrievably, Aristaeus following his mothers orders brought back the bees he had lost, and the Corycian garden is full of fruits. Granted the gods' benevolence and patron's protection, man of the poem "Georgics" can hope that his labor does not go to waste. That is how the poet also treats his work – the poem.

Keywords: Virgil, "Georgics", didactic epic, labor, labor *improbus*, cura

For citation: Sharshukova, O.V. (2022), *Labor* in Virgil's "Georgics", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 6, pp. 114–129, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-114-129

Понятие «труд» занимает центральное место в античных поэмах о сельском хозяйстве, в том числе и в «Георгиках» Вергилия. *Labor* – одна из главных тем поэмы, посвященной труду земледельца. Это слово встречается в «Георгиках» 33 раза¹. В I книге говорится о том, как Юпитер дал человеку необходимость трудиться, в III книге рассказывается о труде быков и коней, а в IV – о труде пчел. Также для понимания значения труда в поэме важны истории Аристея и Орфея и отрывок, где описывается корикийский сад. Наконец, в трех случаях *labor* – это труд поэта.

Как же автор «Георгик» относится к труду? Труд в «Георгиках» – неизбежное зло, приносящее страдания, или возможно трудиться с удовольствием? Всегда ли труд безнадежен и напрасен? Может ли человек контролировать стихию?

Перед тем как обратиться к этим вопросам, рассмотрим значение труда в некоторых произведениях, послуживших образцами для «Георгик». Это «О природе вещей» Лукреция и «Труды и дни» Гесиода.

М. Гейл в книге «Вергилий о природе вещей» показывает тесную связь «Георгик» и «О природе вещей» Лукреция и даже композиционные параллели между ними. Например, III книга «Георгик» построена как «О природе вещей» в миниатюре [Gale 2004, p. 49]: два вступления, отступление о разрушительности любви в середине и кульминация – описание эпидемии в финале. М. Гейл считает,

¹ Здесь и далее текст «Георгик» цитируется по изданию Дж. Конте: *Conte G.B. P. Vergilius Maro. Bucolica et Georgica*. Berlin: Walter de Gruyter, 2013.

что описание эпидемии в III книге «Георгик» – одна из самых близких и развернутых параллелей с Лукрецием.

Автор книги также сравнивает понятия «труд» у Лукреция и у Вергилия. У Лукреция *labor* имеет негативные коннотации; это слово означает тщетное преследование пустых целей, которое причиняет страдания и физические (как, например, в диатрибе против любви), и моральные [Gale 2004, pp. 149–151]. Чтобы достичь эпикурейского идеала, необходимо избавиться от труда (*labor*) вместе с горем (*dolor*), заботой (*cura*) и страхом (*metus*). По мнению М. Гейл, Вергилий в этих вопросах спорит с Лукрецием, но не опровергает его полностью: «Можно поспорить с тем, что «Георгики» являются полностью лукрецианской поэмой... или простой реакцией против Лукреция» [Gale 2004, p. 3]. У Лукреция враждебность природы по отношению к человеку – естественный порядок вещей (*natura sua vi*); в «Георгиках» это приписывается судьбе (*fatis*). Поэтому в мире «Георгик» вряд ли получится освободить себя от труда и страданий, изучив природу вещей. М. Гейл оставляет открытым вопрос о том, положительно ли понятие *labor* у Вергилия:

...в «Георгиках» не только утверждается, что *labor* неизбежен, но и предполагается, что человеческие страдания и суть наших взаимоотношений с богами и с природой могут не иметь простого объяснения [Gale 2004, p. 164].

Действительно, труд у Вергилия неизбежен, как и приход старости и болезней (III 68). По воле судьбы труд может оказаться бесполезным, и старания постичь природу напасти не помогают, как во время эпидемии в конце III книги (III 549–550). С другой стороны, понятие «труд» встречается не только в мрачных контекстах: например, рассказ о труде пчел в IV книге весьма оптимистичен.

Другая поэма, с которой Вергилий ведет диалог в «Георгиках» – поэма Гесиода «Труды и дни». Гесиод жалуется на тяжесть труда земледельца:

νῦν γὰρ δὴ γένος ἐστί σιδήρεον· οὐδέποτε ἤμαρ
παύσονται καμάτων καὶ οἰζύος οὐδέ τι νύκτωρ
φθειρόμενοι· χαλεπὰς δὲ θεοὶ δώσουσι μερίμνας

А сейчас живут люди железного рода; и они беспрестанно проводят дни и ночи в тяжелом труде и несчастьях, и боги дадут им тяжелые заботы (Hes. Op. 176–178).

Наступление железного века Гесиод объясняет этически. Зевс послал людям в наказание голод, болезни, войны, потому что Спра-

ведливость не почиталась. Но у тех, кто почитает правду, вершит справедливый суд, соблюдает законы гостеприимства, нет бед и голода: земля дает им достаточно пропитания, их труды не напрасны.

Labor improbus

В I книге поэмы Вергилий делает обширное отступление, где рассказывает о Сатурновом золотом веке и сменивших его временах. Оно объясняет нам, как и почему появился труд. В Золотом веке не нужно было пахать, а земля сама давала все (I 125–128).

Но затем Юпитер сам сделал так, чтобы жизнь не была легкой: *pater ipse colendi haud facilem esse uiam uoluit... curis acuens mortalia corda* (I 121–123). Юпитер не хотел, чтобы его царство закоксело в бездействии, и дал человеку необходимость трудиться, чтобы он научился все делать сам, чтобы появились ремесла. Земля перестала плодоносить сама, мед пропал с листьев, вино уже не бежит ручьями (I 131–133). Некоторые ученые эти действия Юпитера оценивают отрицательно. Например, А.Т. Цанкер полагает, что это «весьма сомнительное благодеяние» [Zanker 2010, p. 502]. Некоторые, наоборот, оценивают появление труда положительно, потому что до этого, в Золотом веке, люди вели праздное существование без напряжения душевных или физических сил [Galinsky 1996, p. 93]. Дж. Кэмпбелл [Campbell 1982, p. 168] считает, что Юпитер дал людям трудности, чтобы подтолкнуть человечество к развитию: слово *pater*, отец, подразумевает благие намерения, а цель Юпитера – воспитать людей. Помня о негативных коннотациях *improbus*, тяжелый беспрестанный труд вряд ли стоит считать благом. Но подобного гесиодовскому этического объяснения причин его появления в жизни человека у Вергилия нет: он не говорит прямо, что это посланное богами наказание.

Отступление заканчивается знаменитыми строками:

...labor omnia vicit
improbus et duris ingens in rebus egestas

Труд improbus и огромная нужда в суровых обстоятельствах победили все (I 145–6).

Со времен Сервия есть несколько трактовок *improbus* в этом контексте: *vel magnus, vel nulli probabilis, vel indefessus, adsiduus, sine moderatione* – «либо объемный, либо никому не приятный, либо неутомимый, непрестанный, без меры». Они могут развиваться так: *pervicax, immodicus, nimius, iniquus, injustus* – «упорный, избыточный,

жестокий, несправедливый» [Heune 1778 ad loc.]. Идею избыточности поддерживает, например, Плесси: *extrême, excessif* – «непомерный, избыточный» [Plessis 1919, p. 101]. Развитие *iniquus, immodicus* мы находим, например, у Пэйджа: *unscrupulous, unflinching* – «ни перед чем не останавливающийся, неразборчивый в средствах» [Page 1963, p. 200]. По-видимому, в I книге «Георгик» *improbus* сочетает сразу несколько идей. Труд продолжителен, выматывает беспрестанностью, объем работы не уменьшается; также земледельческий труд жесток по отношению и к человеку, и к природе.

Интерпретации выражения *labor improbus* посвящена не одна работа. Статья Р. Дженкинса "*Labor improbus*" начинается с обзора разных трактовок. Автор выделяет «прогрессивную» и «пессимистичную» интерпретации. Согласно «прогрессивной» версии, которой придерживаются Вильямс, Хаксли и Вилкинсон, самое главное – это появление *artes* (ремесел и искусств), несмотря на труд и нужду. «Пессимистичная» интерпретация (сторонники которой – Рихтер, Р. Томас и с оговорками Майнорс) предполагает деградацию мира и страдания человека в согласии с мифом о веках. Сам Р. Дженкинс придерживается «прогрессивной» интерпретации и опровергает аргументы сторонников «пессимистичной». Во-первых, в поэме действительно не преодолеваются все трудности, как писал Р. Томас. Но в I книге говорится не о преодолении всех препятствий, а только об изобретении ремесел после того, как Юпитер послал людям необходимость трудиться. Во-вторых, сторонники «пессимистичной» трактовки проводят параллель со знаменитым стихом:

omnia vincit amor; et nos cedamus amori
Все побеждает любовь, и мы давайте уступим любви (Ecl. 10.69):

Труд и Нужда имеют такую же власть над человеком, как любовь в «Буколиках». Но, как считает Р. Дженкинс, *vincere*, победить не значит «уничтожить», и труд, и нужда имеют власть над человечеством, но двигают его вперед, а не разрушают. Кроме того, *labor* (труд) может иметь негативные коннотации, а *improbus* и *egestas* (нужда) всегда имеют отрицательную окраску. Тем не менее, как отмечает автор статьи, негативно окрашенные слова могут употребляться в положительном значении. Р. Дженкинс предполагает, что в *labor improbus* можно увидеть даже иронию, как, например, в словосочетании «чертов труд». Наконец, несмотря на то что ниже у Вергилия описываются поджидающие земледельца беды, по мнению автора, плохо дела идут только у нерадивого крестьянина, а трудолюбивого ждет успех [Jenkyns 1993, pp. 243–248].

Но вера в прогресс плохо согласуется с мифом о веках, где, наоборот, объясняется деградация. Кроме того, этот миф объясняет не только происхождение труда и ремесел, но и отсутствие справедливости в мире: ведь страдает не только нерадивый крестьянин, но и тот, чьи труды уничтожила, например, эпидемия в III книге поэмы.

Дж. Кэмпбелл в статье “Labor improbus and Orpheus’ furor: hubris in the Georgics” предлагает свою интерпретацию словосочетания. Он начинает с противопоставления мифа о веках у Гесиода и у Вергилия: у Гесиода труд и страдания – наказание за моральную деградацию, а у Вергилия Юпитер дал людям труд ради развития человечества. Дж. Кэмпбелл пересказывает работу Г. Альтефогга, который обращает внимание на то, что *labor* даже изображается в «Энеиде» как адское чудовище. Тем не менее, напоминает ученый, *labor* связан с доблестью, и, по его мнению, гораздо проблематичнее эпитет *improbus*. Автор статьи предлагает переводить *improbus* как «дерзкий, не обращающий внимания на что-то почтенное, выходящий за рамки дозволенного». Объяснение ст. 145–146 Кэмпбелл видит в истории Аристея и Орфея. Аристей – *colonus* и простой римлянин (*Roman Everyman*), а любовь Орфея, его *furor* и *labor* – дерзкие, выходящие за установленные богами рамки, и он был наказан за гибрис [Campbell 1996, pp. 231–236].

Labor в самом деле связан с доблестью, а *improbus* имеет в том числе и значение «нечестивый» (OLD² *Improbus 2 – morally unsound, unprincipled, rascally*). Но в I книге идет речь не об Орфее, а о труде человека в целом, а он необязательно должен быть именно таким. Как замечает Дж. Кэмпбелл в другой статье, *improbus* подразумевает *probus* [Campbell 1982, p. 574], и мы предполагаем, что в поэме показаны и образы такого труда; ведь, как пишет Дж. Клэй, *labor, mens* и *amor* для всех разные [Clay 1981, p. 62].

Труд в III книге

В начале III книги Вергилий рассказывает о разведении быков и коней, в середине – о разрушительной силе любви; заканчивается книга описанием эпидемии, от которой все погибают. Но еще в начале, которое в целом выглядит достаточно оптимистично, есть предчувствие катастрофического конца. Например, в конце жизни быков, как и других смертных, ждут болезни, тяжелый труд и смерть:

² OLD – Oxford Latin Dictionary / Ed. by P.W.G. Glare. Oxford: Oxford University Press, 2012.

optima quaeque dies miseris mortalibus aevi
 prima fugit; subeunt morbi tristisque senectus
 et labor, et durae rapit inclementia mortis

Лучшее время жизни у несчастных смертных убегают быстрее всего; подкрадываются болезни, печальная старость и труд, и немолимая суровая смерть похищает их (III 66–68).

Это относится и к лошадям. Так, старый конь тоже непригоден к размножению или пахоте:

frigidus in Venerem senior, frustraque laborem
 ingratum trahit...

Старик холоден к Венере и напрасно тянет неблагодарный труд (III 97–98).

Его труд *ingratus*: неблагодарный, не приносящий ничего взамен.

Скотовод должен заботиться о потомстве быков и коней. Так появляется *amor*, страсть, которая в обширном лирическом отступлении (III 242–283) описывается как стихийное бедствие, способное убить. Страсть неизбежна, как и плохая погода, и *labor*, и болезнь. *Amor* един для всех: *amor omnibus idem* (III 244). Кони, охваченные страстью, забывают о труде, отказываются повиноваться человеку и даже могут убить хозяина, несмотря на все старания, приложенные к их воспитанию. Человека страсть тоже может уничтожить:

quid iuuenis, magnum cui uersat in ossibus ignem
 durus amor?

А что же юноша, у которого в глубине души тяжкая любовь разжигает большой огонь? (III 258–259)

Между отступлением об *amor* в середине III книги и описанием болезни в ее конце есть параллели. Так, обе стихии охватывают всех:

omne adeo genus...
 in furias ignemque ruunt...

И в самом деле каждый род бросается в безумие и огонь (III 242–244)

– как здесь животные бросаются *in furias*, так же и *furor* погубит Орфея в IV книге;

et genus omne neci pecudum dedit...

И каждый род животных [болезнь] предала смерти (III 480).

Животные не могут справиться с *amor* без помощи их покровителя – человека (III 209–210), а болезнь не может победить никто, даже при помощи *artes*, которым научились люди в I книге поэмы:

quaesitaeque nocent artes; cessere magistri

И искусства, которые были найдены, вредят; отступили знатоки (III 549).

Artes, которые были изобретены человеком в I книге, не только не помогают, но даже вредят, на что обращает внимание Р. Томас в комментарии [Thomas 1988, p. 143]. Он пишет, что мир *labor* рушится, и на момент конца III книги это действительно так. Страсть может привести к гибели, а от болезни умирают все: быки, кони, человек.

То, что бык трудился всю жизнь, не играет никакой роли перед лицом смерти:

quid labor aut benefacta juvant

Чему помогают труд или добрые дела? (III 525)

Быки не подвержены порокам людей: они питаются простой травой, пьют из чистых источников, не злоупотребляют обильными яствами. В отличие от человека у них нет забот:

...nec somnos abrumpit cura salubris

И забота не прерывает здорового сна (III 530).

Несмотря на то что бык не может жить несправедливо и на то, что в его жизни нет беспокойств, стихия все равно уничтожает его, его труд оказывается напрасным, как и труд человека. То же самое говорится и о конях. Жеребят с малых лет приучают к труду, чтобы они привыкли к сражениям, но затем, несмотря на одержанные победы, конь погибает от болезни:

labitur infelix...

...uictor equus

Падает несчастный победитель-конь (III 498–499).

В I книге было показано, что плоды сельскохозяйственного труда нестабильны, например, могут быть уничтожены животными или погодой. А в III книге труд оказывается напрасным еще и потому, что смертные могут погибнуть, столкнувшись с непреодолимой стихией. И перед лицом этой стихии не имеет значения, что быки, кони или люди трудились всю жизнь.

Также Вергилий здесь спорит с Лукрецием; хотя описания болезни в «Георгиках» и «О природе вещей» схожи, отношение к ней разное. Лукреций рассматривает болезнь через призму страха и забот, главных препятствий счастью с точки зрения эпикурейцев, что дает надежду на победу человека над стихией, если он победит сам себя. А в III книге «Георгик» этой надежды нет: ни праведная жизнь, ни отсутствие забот не спасают от страданий и смерти.

Труд пчел

После катастрофы конца III книги читатель переходит к более светлой IV книге. Значительную ее часть занимает описание жизни пчел. Так же, как и другие смертные, пчелы проводят жизнь в трудах, но их отношение к труду и его результат противопоставляются тому, что говорилось ранее о тяжелой работе земледельца и бесплодном труде быков и коней.

Автор подчеркивает единство пчел. У них общие жилища и дети, их жизнь подчинена строгим законам (IV 153). Как страсть или болезнь были едины для всех, так пчелы объединяются в труде: *labor omnibus unus* (IV 184). Также они не подвержены Венере, не рожают детей в муках, как люди (IV 198–199). Пчелы постоянно летают, собирая пыльцу, заботятся о потомстве и о жилище легко и непринужденно, радостно (*nescio qua dulcedine laetae* – IV 55). Также, в отличие от человека, они не пахут землю. Люди руют землю плугом и бороздят море кораблями, вмешиваются в естественный ход вещей (ср. Soph. Anth. 332–341). Пчелы же этого не делают: они лишь собирают то, что природа дает сама, и потому ближе к Сатурнову веку, чем люди. Но они все равно живут в условиях Железного века: в частности, К. Перкелл [Perkell 2002, p. 27] отмечает их склонность к стяжательству, чего не может быть в Золотом веке.

Почему же пчелы могут жить в таких условиях? Перед описанием жизни пчел Вергилий говорит, что «эти свойства» им даровал Юпитер за то, что пчелы вскормили его в Диктейской пещере (IV 149–152). Благодаря благосклонности Юпитера пчелы обладают трудолюбием и труд не приносит им страданий. Они едины и распределяют труд между собой, не подвержены страсти. О. Ли

перечисляет семь свойств пчел: социальная организация (они все вместе заботятся о потомстве и о жилище), разделение труда (одни трудятся в улье, другие учат молодых, третьи выполняют административные функции), трудолюбие (крошечные существа трудятся как Циклопы), хорошее здоровье (пчелы спят крепким сном тех, кто трудился весь день), изобретательность, целибат (они ничего не знают о разрушительной страсти), склонность к самопожертвованию (готовы отдать жизнь за царя) [Lee 1996, p. 96].

Также пчел защищает и покровительство человека. Между двумя царями может вспыхнуть война:

saepe duobus/ regibus incessit magno discordia motu

Часто между двумя царями возникает большая вражда (IV 67–68).

Это напоминает гражданские войны у людей. Предотвратить разрушительные последствия может человек, убив слабейшего из царей враждующих роев. Также пчелы могут забыть о труде и предаваться праздности. В таком случае задача пчеловода, его *labor* (IV 106) – отвратить их от этого; для этого нужно вырвать крылышки у царей. Как и люди, пчелы могут заболеть и погибнуть, но их род продолжается. Даже если погибнет весь рой, человек может вывести новый из туши забитого быка: первым, кто это сделал, был Аристей. После гибели всех от стихии в конце III книги Вергилий показывает возрождение жизни. Но Р. Томас справедливо отмечает, что пчелы не обладают бессмертием. Гарантировано лишь появление нового роя, который будет продолжать жить в несовершенных условиях [Thomas 1991, p. 216].

Человек поддерживает условия жизни пчел, в некотором роде создает им золотой век таким, какой он был для людей. В похожих условиях живут жители сел в конце II книги:

fundit humo facilem uictum iustissima tellus

Земля, справедливейшая, рассыпает легкое пропитание (II 460);

et patiens operum exiguoque adsueta iuuentus,

sacra deum sanctique patres; extrema per illos

Iustitia excedens terris uestigia fecit

И терпеливая к трудам и привыкшая к малому молодежь, почитание богов и праведные старцы; Справедливость, уходя с земли, оставила среди них последние следы (II 472–474).

Такой была жизнь при Сатурне (II 538). Как отмечает А. Цанкер, Золотой век из II книги «Георгик» возможно воплотить

в реальность, потому что в жизни людей уже присутствуют сельское хозяйство и труд [Zanker 2010, p. 501]. Хотя жизнь земледельцев II книги не свободна от труда, простота, моральная чистота, отсутствие войн, почтение богов и семья напоминает о Золотом веке у Гесиода и в I книге «Георгик» [Perkell 2002, p. 24]. Труд в конце II книги, как и труд пчел, не похож на *labor improbus* в I книге поэмы, возможно, потому, что и пчелы, и жители Сатурнова века находятся в гармонии с богами и с устройством мира.

В Сатурновы времена не было войн, у пчел же они возможны; но человек должен их предотвратить. Можно провести параллель между Аристеом-пастырем и Октавианом, между пчелиным народом и квиритами (*quirites* IV 201). Дж. Гриффин называет среди основных добродетелей пчел *labor, fortitudo u concordia* (труд, храбрость и согласие) [Griffin 1979, p. 63], как в идеальном человеческом обществе. Возможно, если бы у реальных римлян было бы больше таких качеств, не случилось бы гражданских войн [Griffin 1979, p. 70]. Человек может прекратить раздор между пчелами и возродить их род так же, как Август прекратил гражданские войны. С другой стороны, как указывает Дж. Гриффин [Griffin 1979, p. 63], здесь заключается ирония (война пчел прекращается от броска пыли), которая не позволяет читателю до конца идеализировать их общество. Конечно, не стоит проводить прямую параллель между возрождением пчел, Золотым веком и политикой Августа; как отмечает Дж. Клей [Clay 1981, p. 62], в описании пчел больше общего с «Государством» Платона, чем с Римом времен Октавиана. Но труд пчел совсем не похож на *labor improbus* чело-века железного века.

Труд корикийского старика

В IV книге есть еще один образ труда. Рассказ о пчелах в середине прерывается отступлением, где Вергилий говорит, что, если бы поэма не была близка к концу, он написал бы и о садоводстве. В качестве примера он вспоминает корикийского старика, который возделывал участок скудной земли, тем не менее приносившей обильный урожай. Его труд ни разу не называется *labor*; парадоксальным образом жизнь корикийского старика описывается так, как будто все плоды рождаются сами собой, как в Золотом веке. Читатель может только понимать умом, что старик живет в Железном веке, а значит, обрабатывает землю сам. Но в его жизни нет страданий и тревог, он наслаждается плодами своих трудов,

довольствуется малым, как и сельские жители в конце II книги, и считает себя богатым:

regum aequabat opes...

Он приравнивал [свое богатство] к богатству царей (IV 132).

Его невидимый труд не бесплоден:

primus... sputantia cogere pressis

mella fauis...

Первым выжимал из сот пенящийся мед (IV 140–141).

По мнению М. Гейл, корикийский старик достиг эпикурейского идеала: он самодостаточен, отделен от общества [Gale 2004, p. 182]. Его образ жизни можно противопоставить коллективному образу жизни пчел. Пчелы зависят от царя и от человека: если царь погибает, они разрушают построенные ими же соты (IV 213–214), а человек прекращает раздоры между пчелами (IV 87–90). А корикийский старик не зависит даже от времен года и частично может изменить естественный ход вещей (IV 134–145). Он не только не зависел от царей, но даже считал себя равным им (IV 132), возможно, равным именно во внутренней свободе [Clay 1981, p. 62]. Так «философский» идеал труда противопоставляется «римскому» [Gale 2004, p. 183]. С другой стороны, у этого героя и пчел есть и общие черты: старик, как и они, не подвержен *amor*, в его жизни нет *furor* и *cura*. Но корикийского старика нельзя назвать и идеальным римским земледельцем; в отличие от сельских жителей из конца II книги, у него нет семьи, и он никак не участвует в общественной жизни [Clay 1981, pp. 61–62]. Тем не менее ясно, что он находится в мире с богами и с миропорядком и его труд нельзя назвать *improbis*.

Миф об Орфее и Аристея

Завершается IV книга историей Аристея, которая в свою очередь обрамляет рассказ об Орфее. Хотя Сервий (IV 1) считал, что этот эпиллий по замыслу Вергилия не должен был завершать поэму, современные исследователи вынуждены рассматривать поэму как она есть. Существует множество интерпретаций роли этого эпизода в поэме. В том числе исследователи обращали внимание на труд этих персонажей. Так, Ф. Клиндер видит в противопоставлении Орфея и Аристея противостояние основных, по его мнению, сил поэмы: *labor improbus* и *iustissima tellus* [Lee 1996, p. 123].

Труды Аристея увенчались успехом, а усилия Орфея (которые, возможно, стоит назвать *labor improbus*) оказались напрасными. Аристей в точности выполнил все указания, и из туш принесенных в жертву быков появился новый рой:

...liquefacta boum per uiscera toto
stridere apes utero et ruptis efferuere costis

В размягченных внутренностях быков по всему чреву зажуужжали пчелы и вырвались через сломанные ребра (IV 555–556).

По мнению О. Ли, Аристей – персонаж, который должен расплатиться за свое прошлое и восстановить жизнь. Аристей действительно случайно вызвал смерть Эвридики (IV 456–459) и стал косвенной причиной трагедии Орфея. Но, как отмечает Р. Томас, в тексте нет ничего, что указывало бы на то, что Аристей тронут историей Орфея; он просто выполняет практические наставления матери [Thomas 1991, p. 217]. Видно, что Аристей не только не идет против установленных богами рамок, но, наоборот, подчиняется существующему миропорядку. Именно поэтому он может отбросить заботы (IV 531), его труд – не *improbus*, и он не бесплоден: боги дают ему возможность исправить сделанное.

А Орфей нарушил уговор с Прозерпиной, обернувшись на Эвридику. Поэтому боги отвернулись от них, и Эвридика отправилась обратно в Аид, навсегда потерянная для Орфея. Орфей живет и умирает ради любви и этим противопоставлен образу идеального римлянина, который рожден не для себя, а ради родины. Будучи певцом, он также противопоставляется и пчелам – ведь в мире пчел нет места искусствам [Griffin 1979, pp. 69; 64]. По мнению Дж. Кэмпбелла, любовь Орфея, его *furor* и *labor* – дерзкие, выходят за установленные богами рамки, за что герой и был наказан [Campbell 1996, p. 236]. В *furor* видят причину гибели Орфея и Дж. Гриффин, и О. Ли. Творчество и любовь идут рука об руку с *furor* и *dementia* [Griffin 1979, p. 73], и сама Эвридика говорит о *furor* в ст. 495 [Lee 1996, p. 125]. Труды Орфея оказались бесплодными, «напрасно пролитыми»: *effusus labor* (IV 492).

Аристею было даровано богами удачное завершение трудов так же, как пчелам их свойства даровал в благодарность Юпитер. А Орфей потерпел неудачу, потому что пошел против воли богов, проявил гибрис, его труд, в отличие от труда благочестивого Аристея, оказался *improbus*.

Labor poetae

Наконец, *labor* в «Георгиках» – это еще и труд поэта, а результат его труда – поэма. В таком значении слово *labor* в поэме встречается 3 раза, из них 2 – в IV книге. В двух контекстах поэма сравнивается с кораблем, а поэт – с кормчим:

tuque ades inceptumque una decurre laborem
...Maecenas, pelagoque uolans da uela patenti

О Меценат, помоги и проведи до конца, сопроводи меня до конца в начатом труде, и, летя, отдай паруса в открытое море (II 39–41).

Также перед отступлением о корикийском старике:

...extremo ni iam sub fine laborum
uela traham et terris festinem aduertere proram

Если бы я не заканчивал труды, не вел корабль и не торопился повернуть нос к земле... (IV 116–117).

Во II книге Вергилий призывает покровителя Мецената сопутствовать его труду и отправиться в открытое море, а в IV поэт уже близок к окончанию труда и стремится к берегу. Так вторая метафора завершает первую, как отмечает Р. Томас [Thomas 1988, p. 168].

Также в начале IV книги Вергилий надеется, что боги благословят его труд:

in tenui labor; at tenuis non gloria, si quem
numina laeua sinunt auditque uocatus Apollo

Малая работа, но не малая слава, если позволят неблагосклонные боги и слышит призванный Аполлон (IV 6–7).

Numina laeva – враждебные божественные силы, которые могут уничтожить мир «Георгики» и попытаются это сделать в конце IV книги. Но им можно противостоять молитвой [Lee 1996, p. 92]. Автор «Георгики» хочет быть подобным крестьянину и надеется, что при благосклонности богов и Мецената его труд не пропадет.

Труд – неизбежная часть жизни крестьянина в «Георгиках», но это не обязательно зло. В начале поэмы труд Железного века охарактеризован *improbis*, и он может быть безрезультатным, как показано в конце III книги, где все уничтожают болезни и смерть.

Но в IV книге есть и другие образы труда. Пчелам помогают трудиться благосклонность богов и защита человека, обеспечивающего мир. Аристей получил новый рой из туш быков, выполнив божественные указания. Не бесплоден и невидимый читателем труд корикийского старика. Человек в «Георгиках» может надеяться, что при защите покровителя и благосклонности богов труд не будет приносить ему страданий и не пропадет даром. Так относится к своему труду и сам поэт.

Литература

- Campbell 1982 – *Campbell J.S.* The Ambiguity of Progress: “Georgics” I, 118–159 // *Latomus*. 1982. Т. 41. P. 566–576.
- Campbell 1996 – *Campbell J.S.* Labor improbus and Orpheus’ furor: hubris in the Georgics // *L’Antiquité Classique*. 1996. Т. 65. P. 231–238.
- Clay 1981 – *Clay J.S.* The Old Man in the Garden: “Georgic” 4. 116–148 // *Arethusa*. 1981. Vol. 14. P. 57–65.
- Gale 2004 – *Gale M.* Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 331 p.
- Galinsky 1996 – *Galinsky K.* Augustan Culture. Princeton: Princeton University Press, 1996. 474 p.
- Griffin 1979 – *Griffin J.* The Fourth ‘Georgic’, Virgil, and Rome // *Greece & Rome*. 1979, Vol. 26. P. 61–80.
- Heyne 1778 – *Heyne Ch.G.* P. Vergilii Maronis Opera perpetua adnotatione illustrata a Haunia, Sumptibus Severini Guildenae, 1778. 351 p.
- Jenkyns 1993 – *Jenkyns R.* Labor improbus // *Classical Quarterly*. 1993, Vol. 43. P. 243–248.
- Lee 1996 – *Lee M.O.* Virgil as Orpheus: a Study of the Georgics. Albany: State University of New York Press, 1996. 171 p.
- Page 1963 – *Page T.E.* P. Vergilii Maronis Bucolica et Georgica, with introduction and notes London: MacMillan & Co, 1963. 386 p.
- Perkell 2002 – *Perkell C.* The Golden Age and Its Contradictions in the Poetry of Virgil // *Vergilius*. 2002. Vol. 48. P. 3–39.
- Plessis 1919 – *Plessis F.* Oeuvres de Virgile. Texte Latin, publiées avec une introduction et de notes par. Paris: Hachette, 1919.
- Thomas 1988 – *Thomas R.F.* Virgil. Georgics. Vol. 2: Books III–IV. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 256 p.
- Thomas 1991 – *Thomas R.F.* The “Sacrifice” at the End of the Georgics // *Classical Philology*. 1991. Vol. 86. P. 211–218.
- Zanker 2010 – *Zanker A.T.* Late Horatian Lyric and the Virgilian Golden Age // *The American Journal of Philology*. 2010. Vol. 131. P. 495–516.

References

- Campbell, J.S. (1982), "The Ambiguity of Progress: 'Georgics' I, 118–159", *Latomus*, T. 41, pp. 566–576.
- Campbell, J.S. (1996), "Labor improbus and Orpheus' furor: hubris in the Georgics" *L'Antiquité Classique*, T. 65, pp. 231–238.
- Clay, J.S. (1981), "The Old Man in the Garden: 'Georgic' 4. 116–148", *Arethusa*, vol. 14, pp. 57–65.
- Gale, M. (2004), *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Galinsky, K. (1979), *Augustan Culture*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Griffin, J. (1979), "The Fourth 'Georgic', Virgil, and Rome", *Greece & Rome*, vol. 26, pp. 61–80.
- Heyne, Ch.G. (1778), P. Vergilii Maronis Opera perpetua adnotatione illustrata a Haunia, Sumptibus Severini Guildenal.
- Jenkyns, R. (1993), "Labor improbus", *Classical Quarterly*, vol. 43, pp. 243–248.
- Lee, M.O. (1996), *Virgil as Orpheus: a Study of the Georgics*, State University of New York Press, Albany, USA.
- Page, T.E. (1963), P. Vergilii Maronis Bucolica et Georgica, with introduction and notes, MacMillan & Co, London, UK.
- Perkell, C. (2002), "The Golden Age and Its Contradictions in the Poetry of Virgil", *Vergilius*, vol. 48, pp. 3–39.
- Plessis, F. (1919), *Oeuvres de Virgile*, Texte Latin, publiées avec une introduction et de notes par, Hachette, Paris, France.
- Thomas, R.F. (1988), *Virgil. Georgics*, vol. 2: Books III–IV, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Thomas, R.F. (1991), "The 'Sacrifice' at the End of the Georgics", *Classical Philology*, vol. 86, pp. 211–218.
- Zanker, A.T. (2010), "Late Horatian Lyric and the Virgilian Golden Age", *The American Journal of Philology*, vol. 131, pp. 495–516.

Информация об авторе

Ольга В. Шаршукова, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sharshukovaov@yandex.ru

Information about the author

Ol'ga V. Sharshukova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; sharshukovaov@yandex.ru